

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Браслет из пяти стальных маков, скрепленных между собой волосами Медузы горгоны, когда-то подарил своей музе Жанне Дюваль «проклятый поэт» Шарль Бодлер, прославившийся сборником аморальных стихотворений «Цветы зла», но это не принесло им счастья. И в наши дни браслет продолжает сеять смерть...

Мария СПАССКАЯ

Безумный поклонник Бодлера

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Безумный поклонник Бодлера

«ЭКСМО»

2015

Спасская М.

Безумный поклонник Бодлера / М. Спасская — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

Кира очнулась в какой-то странной комнате и с трудом вспомнила, что произошло накануне: она поссорилась с мужем-изменником, в ярости влетела в свой подъезд, а дальше провал... Действительность оказалась ужасной: она в частной тюрьме, а на экране стоящего в комнате телевизора транслируется один и тот же сюжет – она, Кира, убивает своего мужа! Кто-то воспользовался ситуацией и устроил талантливую инсценировку, но зачем ему это понадобилось? Очень скоро Кира узнала: неизвестный похититель готов выпустить ее, но с одним условием – получая указания, она должна собирать с мест преступления стальные цветы. Тогда она останется в живых, обменяв свою жизнь на собранный из них браслет... Кира еще не знала: браслет из пяти стальных маков, скрепленных между собой волосами горгоны Медузы, когда-то подарил своей музе Жанне Дюваль «проклятый поэт» Шарль Бодлер. До конца жизни они были вместе, но ни ему, ни ей это не принесло счастья...

© Спасская М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Париж, 18... год	8
Москва, наши дни	11
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария Спасская

Безумный поклонник Бодлера

© Спасская М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Москва, Аптекарский переулок, 2000 год

Открыв глаза, Витек без особого удивления увидел над собой ветку сирени. В спину впи- валось что-то твердое, голова раскалывалась от боли. «И-иии! И-иии!» – скрипело в мозгах. Виктору и раньше случалось просыпаться в кустах, перебрав беленькой. В мутных потоках памяти всплывал вчерашний день, с раннего утра занятый грандиозной попойкой с Констан- тином, которого жена выставила из дома. Пить сели тут же, во дворе дома друга. Дом был старый, трехэтажный, дореволюционной постройки. Курва-жена, выгнавшая приятеля, то и дело свешивалась из окна, вставляя едкие замечания в их сугубо мужской разговор. А потом вообще вышла и увела Витюшиного дружка домой, точно и не выгоняла никогда на улицу. А Витек остался один на один с недопитой бутылкой водки, третьей по счету за этот бес- конечный день. Он долго сидел на лавочке, слушая ругань Костики с женой, доносившуюся из открытого окна. Смеркалось. Где-то вдали раздавался грохот трамвая. Потом захоте- лось по нужде, и Виктор, как человек воспитанный, не стал смущать мамаш с детишками, возвывшихся в песочнице, и на нетвердых ногах отошел к кустам сирени у самой стены. Затем следовал черный провал длиною в ночь. И вот теперь яркий день и снова сирень, под кото- рой Витек сегодня проснулся. Стараясь освободиться от боли в спине, он повернулся на бок и уперся взглядом в кирпичную стену. Прямо перед глазами зияла дыра, а среди кирпичных обломков что-то поблескивало. Виктор лениво потянулся к сверкающему предмету и достал его. Это оказался серебристый браслет. Поднес украшение к глазам и принялся рассматри- вать. Тонкой работы цветы, вроде бы маки, и в каждой из сердцевинок расположилось по одной и той же женской головке, обрамленной змеями. Витек когда-то знал, как зовут эту змееволосую тетку, только забыл. Очень красивая вещица, однако совершенно бесполезная. Жены он больше не имел. Подруги тоже. А мать похоронил прошлым летом. И баночке пива обрадовался бы значительно больше, чем этой красивой безделушке.

– И-иии! И-иии! И-иии! – визжало над головой.

Сделав над собой усилие, он сел и огляделся по сторонам. И увидел раскачивающиеся качели. Только сейчас Виктор понял, что мерзкий звук, терзающий душу, – это скрип качелей. Визг железа вклинивался в мозг, тисками сжимаемая голову, в которой загнанным зверем билась мысль о невозможности опохмелиться.

– Выше! Выше! Давай еще выше! – доносился до Виктора пронзительный девичий смех.

Крик девчонки выводил из себя. Звонкий голосок рвал душу. «Всего одна бутылка пива, – пронеслась в голове шальная мысль, – и жизнь бы сразу наладилась!» Витек облизал сухим, как наждак, языком спекшиеся губы и устроился поудобнее, опершись спиной о стену дома. Сунул руку сначала в один пустой карман, затем в другой, но так и не нашел ни единой монеты. Бумажник тоже оказался пуст. Живительная бутылка пива из объективной реальности переместилась в область недостижимых житейских благ. Для того чтобы что-нибудь купить, нужно что-нибудь продать – эту схему товарообмена предложил еще кот Матроскин. Когда был трезв, Виктор частенько читал про Матроскина сыну, пока жена не сбежала с паца- ненком к теще. Памятуя почерпнутую из книги мудрость, страдалец прикинул шансы. Выхо- дило, что у него был единственный предмет, годный для продажи, – только что найденный браслет. Виктор снова поднес браслет к глазам и, подивившись его красоте, подумал, что за побрякушку вполне можно выручить пару бутылок пива. Возгласы девчонки и сдержанные реплики парня придали Витюку уверенности. Он выбрался из кустов и направился к детской площадке, откуда доносился раздражающий скрип. Качели с тоненькой девичьей фигуркой взлетали в самое небо. Невысокий парнишка с хорошим лицом раскачивал качели, сдержанно

улыбаясь улыбкой старшего, наблюдающего за забавами неразумного малыша. Виктор, пошатываясь, подошел к качелям и протянул парню браслет.

– Слушай, друг, купи, – умоляюще проговорил он. – Много не прошу. Дай на две бутылочки пива, и вещь твоя. Ты не думай, не ворованное, – зачастил он, заметив настороженное выражение, мелькнувшее на лице парня. – Хотел жене на годовщину свадьбы подарить, да Люська свалила от меня, глупая женщина.

Парень перестал раскачивать смешливую рыжую девчушку и недоверчиво покосился на ладонь продавца.

– Дай-ка взглянуть, – неуверенно протянул он.

Для большей убедительности Витек обтер браслет о выпачканные в пыли штаны и вложил в руку парнишки. Тот впился глазами в стальные цветы, рассматривая точеные лица горгон и прикидывая выгодность сделки. Подняв клубы пыли, девчонка затормозила каблучками, остановив качели, и тоже уставилась на браслет.

– Как тебе? – обернулся парнишка к своей подружке.

– Мне нравится, – смущенно зарделась она.

– Будешь носить?

– Конечно...

– Ладно, считай, что это подарок на день рождения.

Парень полез в карман брюк и вытащил бумажник. Через минуту он уже застегивал браслет на тонком девичьем запястье.

Сбив находку, Виктор зажал в кулаке вырученные деньги и деловито направился к пивному ларьку на Разгуляй. Там всегда продавали холодное пиво и прогуливалось много хороших людей, готовых составить компанию интеллигентному человеку, свободному от всяких обязательств. О покупателе и его подружке он тут же забыл, целиком поглощенный предстоящими приятными минутами, способными избавить его от головной боли и вернуть душевное равновесие.

* * *

Париж, 18... год

Высокий старик в лоснящемся сюртуке стоял на набережной Анжу и, теребя шнурок монокля, задумчиво смотрел вслед удаляющемуся молодому человеку. В лучах заходящего солнца монокль отливал ртутью, не скрывая озабоченности на лице наблюдателя. Стараясь сохранить изящество и при этом не замочить лакированных итиблет, юноша перепрыгивал через лужи, поддерживая под локоток свою спутницу. Несмотря на то что длинный плащ сковывал движения, а тщательно завитые крашенные волосы утратили от влаги идеальность прически, юноша все равно выглядел роскошно, как диковинная птица. Походка его была суетлива, а движения преувеличенно учтивы. На фоне шикарного кавалера еще сильнее бросалось в глаза убожество хромающей рядом с ним проститутки Лушетты. Этот район Парижа являлся чем-то вроде провинциального оазиса среди шумной столицы – разделяясь на два рукава, Сена обнимала его, защищая от вторжения цивилизации и непрошеных чужаков. На набережной Анжу все знали, кто чем живет, а уж девицы легкого поведения были видны как на ладони, и род занятий Лушетты ни для кого не являлся секретом. Особенно для высокого старика в лоснящемся сюртуке.

Владелец антикварной лавки месье Антуан Арондель обитал на острове Святого Людовика столько, сколько помнил себя самый древний его старожил. И, поговаривали, что за многие десятилетия старик ни капельки не изменился. Ему можно было дать как шестьдесят лет, так и все сто двадцать. Длинноносое морщинистое лицо его менялось в считанные секунды, как детский калейдоскоп, принимая самые разные выражения – от паточно-сладкого до ехидно-злобного. Хитрость антиквара не знала границ. О жадности его ходили легенды. Между тем под придирчивым взглядом месье Аронделя щеголь простился с подружкой и, помахивая тростью, начал спускаться к открытым дверям ресторанчика. В то время как юноша замешкался в дверях, разговорившись с хозяином заведения, старик перешел на противоположную сторону улицы, свернул в подворотню и шагнул в затхлый подъезд. Поднявшись по узкой скрипучей лестнице, толкнул просевшую дверь и оказался в меблированных комнатах, судя по всему, хорошо ему знакомых.

– А, это вы, господин Арондель! – нелюбезно проворчала черная, как зола в камине, негритянка, поднимаясь с кровати и набрасывая на плечи засаленный халат.

– Здравствуй, дорогуша, – растянув в улыбке узкие губы, выдохнул старик. – Как поживаешь?

Негритянка недовольно поморщилась.

– Месье Антуан, кончайте темнить, – ее толстая рука раздраженно отмахнулась от незваного визитера. – Просто так вы никогда не заходите. Говорите сразу, что вам угодно.

– Ну что же, дорогуша, давай начистоту.

Прямая спина старика стала еще прямее, глаза сделались стальными и холодными, как лезвие ножа.

– Пришла пора отдать долги.

Скрипя добротными итиблетами, антиквар прошелся по комнате и бросил цепкий взгляд на чернокожую собеседницу. Сидя на краю неприбранной кровати, она, не переставая расчесывать сандаловым гребнем седые патлы, презрительно топтырила толстую губу, всем своим видом выражая пренебрежение к говорящему.

– Не понимаю, о чем это вы, – сварливо процедила она. – Я давно уже выполнила договор. Все эти годы вы использовали меня и в хвост и в гриву. Вряд ли теперь я на что-нибудь сгожусь.

– Речь идет не о тебе. Мне нужна твоя дочь, – не обращая внимания на недовольство хозяйки, сообщил гость. – Это тоже часть договора.

Негритянка перестала причесываться и впилась в морщинистое лицо старика ненавидящим взглядом.

– Проклятый мошенник! Мало тебе меня! Положил глаз на Жанну! – срываясь на визг, закричала старуха.

– Там, на Гаити, ты говорила совсем по-другому, – усмехнулся антиквар. И вдруг лицо его сделалось будто окаменевшим. Монокль из глаза выпал, повиснув на шнурке, а голос стал сиплым и страшным, заставив волосы на голове гаитянки зашевелиться. – Ты была согласна на все, только бы вырваться из лап своих соплеменников, готовых растерзать тебя, как черную колдунью! Ты просила покровительства у сил тьмы и получила его. Почему же теперь не хочешь заплатить по счетам?

В замке загремел ключ, и в комнату вошла рослая мулатка, при виде которой старуха заметно приободрилась. За спиной девицы маячил придергивающийся за стену нетрезвый кавалер. Заметив антиквара, вместо приветствия мулатка вульгарно захохотала, запрокинув голову и сквозь смех проговорив:

– Что-то ты к нам зачастил, дядюшка Антуан! И чем эта старая ведьма, – она кивнула на мать, – тебя приворожила?

– Вот и Жанна! – с облегчением пробурчала негритянка. – Сами с ней договаривайтесь.

Старик склонил голову в учтивом поклоне и, вернув монокль на место, самым светским тоном проговорил:

– Здравствуй, дитя мое. Как ты смотришь на то, чтобы познакомиться с блестящим молодым человеком из хорошей семьи?

– На черта он мне сдался? – криво усмехнулась мулатка, и черные глаза ее метнули в гостя презрительные молнии. Несмотря на категоричный отказ, прозвучавший в ответе, девица подошла к приоткрытой двери и с силой ее захлопнула, оставив пришедшего с ней мужчину за порогом. Тот начал сердито молотить в дверь, но никто не обратил на это внимания.

– Он богат и будет заботиться о тебе, – соблазнял Жанну месье Арондель, истолковав ее поступок как несомненную заинтересованность. – Будь добра, девочка, подойди к окну. Видишь, вон там, у дверей ресторана, стоит бледный юноша в длинном плаще и батистовой рубашке с роскошными манжетами?

Мулатка двинулась в указанном направлении и, опершись ладонями на подоконник, через давно не мытое стекло устремила на улицу любопытствующий взгляд.

– Ну и фронт! Он, часом, не священник? А может быть, актер? – так и прыснула она, покатавшись со смеху.

– Это тот, о ком я говорю, – строго проговорил антиквар. – Шарль Бодлер. Сочинитель стихов. Он прославит тебя в веках, малютка Жанна! Он воспевает твои прелести и осыплет тебя подарками.

– Не люблю я рифмоплетов, – скривилась прелестница. – Все они ужасные зануды. Но раз этот хлыщ богат, так уж и быть, – тряхнула она копной курчавых волос. Но тут же насторожилась: – Хотя откуда мне знать? Вдруг твой поэт – ужасный скряга?

– О, не волнуйся, дитя мое. – Дряблые щеки старика затряслись в беззвучном смехе. – Он щедр до расточительности, тебе не составит большого труда получить все, что пожелаешь. И первым делом ты должна захотеть, чтобы господин Бодлер поселился в отеле над моей антикварной лавкой.

– Ну, ты и проныра, дядюшка Антуан! – обнажив белоснежные зубы в хищном оскале, снова захохотала Жанна. – Надеешься, что он скупит все старье, что пылится у тебя на полках?

– Ну что ты, деточка, – махнул сухонькой ладошкой антиквар. – Речь не обо мне. Я лишь скромный посредник. На этого юношу большие виды у того, кто гораздо могущественнее меня. Гораздо могущественнее.

* * *

Москва, наши дни

Самолет Барселона – Москва приземлился вовремя. Я сошла по трапу и только тогда включила смартфон. Аппарат тут же зазвонил, обозначив на дисплее, что меня желает услышать матушка.

– Как долетели? – Голос в трубке был требовательный и мрачный.

– Отлично, – честное слово, я пыталась казаться вежливой, но в интонации все равно звучало раздражение.

Мать на том конце провода откашлялась и, не обращая внимания на детали, торжественно начала:

– Кира, я знаю, что тебе это не понравится, но я должна открыть тебе глаза. Пока тебя не было, твой Артурчик не вылезал от Юльки.

– Спасибо, мама, – вяло откликнулась я, и без нее не сомневаясь, что муженек использует две недели моего отсутствия с пользой для себя.

– Этот лицемер поехал встречать тебя в аэропорт, – продолжала вводить меня в курс дела родительница, – но ты не должна показывать виду, что нам известно о его изменах. Я договорилась с хорошим адвокатом, он поможет избавиться от твоего муженька без финансовых потерь. Брачный договор составлен грамотно, и в случае доказанных измен ему не светит ни копейки.

– А измены доказаны? – без особого интереса осведомилась я.

– Частный детектив над этим работает, – заверила мать.

– Ну что ж, спасибо, мама. Предупрежден – значит, вооружен. А ты как?

– У меня все в порядке. Увидимся завтра в офисе.

– О'кей. – Я захлопнула чехол смартфона, сунула аппарат в сумочку и устремила в зону прилета.

Забрав чемодан с ленты выдачи багажа, вышла на пасмурную осеннюю улицу и, окинув взглядом парковку, заметила белый автомобиль Артура. Меня всегда поражало, как машина этого человека остается безупречно чистой в самую дождливую и грязную погоду. Столь же великолепным был всегда его костюм. Привычка переодеваться по два раза в день сначала меня забавляла, затем начала бесить. Вот и сейчас, несмотря на спустившийся на Москву октябрьский вечер, Артур стоял у белой-пребелой машины в белоснежных отутюженных брюках и новой красной ветровке, выбритый и свежий. Кошачьи глаза его казались почти белыми на загорелом лице, любезная улыбка блуждала на пухлых губах. Запах парфюма сразил меня наповал за два метра до машины.

– Здравствуй, моя девочка. – Лицо мужа так и искрилось от счастья. Сторонний наблюдатель мог бы поклясться, что другой женщины в жизни Артура нет и быть не может.

Он крепко обнял меня и впился поцелуем в губы. Мне показалось, что я чувствую во рту вкус Юлькиных духов, но это, конечно же, самовнушение. Артур распахнул переднюю дверцу и предупредительно ждал, когда я усядусь. И только после того, как я пристегнулась, устроился за рулем сам. Перегнулся на заднее сиденье и снова повернулся ко мне, держа в руке орхидею. Ненавижу эти цветы. Такие же слащавые и лживые, как мой муженек.

– Спасибо, милый! – проворковала я и припала к губам Артура долгим поцелуем, со злостью думая, как он мне отвратителен.

Да, я любила Артура в тот момент, когда он принадлежал другой. Это был почти спортивный интерес – отбить его у соперницы. Но теперь я понимаю, что мне это было совершенно не нужно. Минутная радость от одержанной победы, после которой жизнь превратилась в унылое дерьмо с нелюбимым человеком. Но ничего, это безумие скоро закончится. Мама добудет доказательства его измены, и я наконец-то разведусь с целлулоидным мужем, точно сошедшим со страниц мужского журнала о правильной жизни в столице. В подобных изданиях циничные

журналисты обычно пишут таким вот приехавшим из глубинки Артурчикам, что носить, на чем ездить, где обедать и как снимать столичных шлюшек. Я потянулась и заботливо вытерла пальцами помаду с его губ. Улыбнулась и попросила:

– Поехали домой, родной. Я ужасно соскучилась.

Он вел машину виртуозно, едва касаясь пальцами руля, и я невольно залюбовалась, как красиво Артур это делает. Он все делает красиво. Ест, спит, занимается сексом. А чтобы всегда быть уверенным, что он великолепен, везде, где подолгу бывает, появляются дополнительные зеркала. Салон его машины не исключение. Кинув взгляд в одно из таких зеркал и удостоверившись, что безупречен, Артур вдруг повернулся ко мне и сказал:

– Я хотел поговорить с тобой о маме.

– О чьей маме? – не поняла я.

Мама Артура живет под Нижневартковском. Она работает раздатчицей в больничной столовой и очень гордится красавцем сыном, выдвинувшимся в Москву с тысячей рублей в кармане и целью покорить столицу. И, справедливости ради стоит заметить, ей есть чем гордиться. Сына она вырастила хотя и неграмотного, но целеустремленного. Артур до сих пор пишет с ошибками, не умеет считать и путается в географических названиях и исторических датах, но это не помешало ему сменить три жены, с каждым браком поднимаясь по социальной лестнице все выше и выше. В первый раз Артур женился сразу же, как только приехал в столицу, просто потому, что надо было где-то жить. Только поэтому он осчастливил продавщицу из магазина рядом с вокзалом, с которой познакомился в первые часы своего пребывания в Первопрестольной. Затем он устроился в клуб «Везувий» на Маяковской барменом и без особого труда завладел сердцем управляющей Юлии Ивановой. Юлька обладала Артурчиком недолго – я переманила красавца, прельстив перспективой роскоши и безделья. Согласитесь, не каждому приезжему из Нижневартковска судьба дарит шанс стать мужем владелицы сети лотерейных контор, как на новый манер именуются наши игровые клубы. Если быть до конца откровенной, то я немного преувеличиваю. Я не совсем хозяйка. У нас семейный бизнес, которым владеют мама, бывший мамин муж испанец Лучано и я.

– Я хочу поговорить о твоей маме, – протянул Артур.

– А что не так с моей мамой?

Мой голос прозвучал значительно резче, чем мне бы хотелось, и Артур, не поворачивая головы, кинул на меня в одно из зеркал удивленный взгляд.

– Что не так? Юля говорит, что Ангелина Тихоновна ведет себя неподобающе. Она творит немыслимые вещи.

Я почувствовала, как волна неконтролируемой злости начинает подниматься из темных глубин души. Да кто он такой, чтобы рассказывать мне о том, что говорит его бывшая женушка о моей маме? Скрипнула зубами, но сдержалась. И, вложив в голос весь сарказм, отпущенный мне богом, осведомилась:

– И что же неподобающего, по мнению Юли, творит моя мама?

Артур сделал вид, что не замечает моего тона, затормозив у нашего подъезда, пригладил пальцем брови и озабоченно проговорил:

– Сегодня Юля забыла ключи от офиса и заехала без звонка к бухгалтерше за дубликатом. Это звучит дико, но Юля застала Ангелину Тихоновну у бухгалтерши в постели совсем без ничего. Ну, ты меня понимаешь. Пока что это известно лишь узкому кругу людей, но если ты не образумишь свою мать, она станет всеобщим посмешищем.

Я сделала вид, что не услышала ничего противоестественного. Да так оно и было на самом деле. Нет ничего удивительного, что после стольких лет бурной семейной жизни с испанцем, состоящей из скандалов и ссор, маму потянуло на женщин. Галина – давнишняя мамина подруга, и с некоторых пор я знаю, что их связывает не только трогательная девичья дружба. В любом случае Артура это не касается. Уж кто бы говорил! Совсем страх потеряли! Поду-

мать только! Моей матери моют кости блудливый зять и его бывшая жена, с которой Артурчик продолжает спать! Мы не выгнали Юльку лишь потому, что найти хорошего управляющего довольно проблематично. А Иванова свое дело знает. Кроме того, есть вероятность, что, получив расчет, обиженная бывшая сотрудница устроится к конкурентам и сольет все наши секреты, чего бы не хотелось. В общем, матушка уговорила оставить мою предшественницу на прежней должности, пообещав, что глаз с нее не спустит и известит меня в случае опасности адюльтера. Наивная мама до сих пор полагает, что я люблю своего мужа и мне безразлично, с кем он спит. Но мать права в одном – всему есть предел. Пора Артурчика гнать в шею.

– Это Юля во время секса тебе поведала? – угрожающе прошипела я, злясь на себя за то, что вовремя не рассталась с Артурчиком и теперь придется выгонять как зарвавшегося муженька, так и толкового администратора.

Лицо Артура вытянулось. Загорелые щеки приобрели сероватый оттенок, нижняя губа задрожала.

– Зачем ты так, Кира? – обиженно выдохнул он. – Не надо валить с больной головы на здоровую. Я же не виноват, что твоя мать извращенка...

Хлесткий удар по идеально выбритой щеке отбросил его голову на подголовник. Ладонь обожгло, пальцы заломило.

– Ты мерзкая тварь, Федулов, – не помня себя от ярости, процедила я. – И ты еще имеешь наглость рассуждать про мою маму!

– Но ее поведение не выдерживает никакой критики... – проблеял муж.

Как излагать научился, быдло деревенское!

– Сегодня же уматывай из моего дома, чтобы духу твоего не было! Проваливай обратно в Люберцы к своей Юльке!

– Мне некуда идти, – с вызовом ответил Артурчик. – Юля наелась таблеток, и ее в тяжелом состоянии увезли в Склиф. Дверь ее квартиры заперта, а ключа у меня нет.

– Когда? – сухо обронила я, не сводя с мужа уничтожающего взгляда.

– Сегодня ночью, – промямлил он. И тут же принялся оправдываться: – Я заглянул к ней вечером буквально на минуту, исключительно для того, чтобы обсудить историю с твоей мамой, а эта дура повалилась мне в ноги и стала умолять, чтобы я бросил тебя и вернулся к ней.

Если бы взгляд мог убивать, Артурчик пал бы бездыханный.

– Ну, ты и кретин! – рявкнула я. – Тебе совсем на бизнес наплевать? Тебе что, девок не хватает? Какого черта ты полез со своим эрегированным членом к сотруднице, на которой держится твое же благополучие?

– А я-то что? – отшатнулся от меня Артур. – Она сама...

– Ну да, конечно... Я тоже знаю эту песню!

И я пропела противным голосом, подражая героиням известного мюзикла:

– Он сам нарвался-я-а! Он сам нарвался-я-а! И в этом нет моей ви-и-ны...

– Ну что ты, детка...

Артур протянул ко мне руку и сделал попытку погладить по щеке. С размаху ударив по его подрагивающим пальцам, я пресекла попытку примирения и глухо прошипела сквозь зубы:

– Убери руки, мразь! Все эти дни ты спал с ней, и Иванова думала, что все вернулось на круги своя! А в последнюю ночь ты отшил свою бывшую, потому что привык вкусно жрать на мои деньги и с фасоном одеваться! Конечно, ты здесь ни при чем! Имей хотя бы мужество признаться, что пока меня не было, ты трахался с Юлькой сутки напролет!

Артур замотал головой из стороны в сторону, протестуя махая руками. Его глаза в ужасе расширились, устремленные на меня зрачки стали крохотными, как булавочные головки.

– Кира, опомнись! Что ты говоришь? У нас с ней ничего не было! Она хотела, но я был тверд. Ты не смеешь меня обвинять! У тебя нет доказательств моей неверности!

– У меня нет?! В самом деле? Да мне завтра же передадут видеозапись, где ты и Юля кувыркаетесь в постели!

Я, конечно же, блефовала. Никто мне ничего не передаст. Детектив только работает над этим. Но мне доставляло непередаваемое удовольствие наблюдать, как искажается болезненной гримасой красивое лицо мужа, как наливаются отвращением бирюзовые глаза, обнажая его алчную сущность. Злую и ненавидящую, которую все годы нашего брака Артурчик так тщательно скрывал.

– Развестись решила? – Он почти плевался ядом. – Ну что ж, я не против. Но только по хорошему отдашь мне половину бизнеса. Сама отдашь, поняла? Это в твоих же интересах.

– А то что?

Я прищурилась, с вызовом глядя на мужа.

– А то подохнешь как собака! Я столько про тебя знаю! В тюрьме сгниешь! Дура!

Я распахнула дверцу и, выскочив из машины, закричала:

– Бизнес мой захотел, гаденыш? Перебьешься! Я сама тебя по стенке размажу! Тварь подзаборная! Мерзавец! Урод! Не смей даже носа совать ко мне в квартиру!

Я уже почти добежала до подъезда, но, вспомнив глумливую ухмылку мужа, снова кинулась к машине, распахнула дверцу со стороны водителя и принялась колотить кулаками по ненавистному лицу. Артур пытался поймать мои запястья, но я ловко выворачивалась, продолжая наносить беспорядочные удары, от которых муж по-бабьи закрывался ладошкой. Наконец я плюнула куда-то в область его головы и с грохотом шархнула водительской дверцей, захлопывая машину.

– Идиотка припадочная! – неслось мне вслед. – Все лицо расцарапала!

Вот и отлично! Я так и видела мысленным взором, как Артурчик сокрушенно качает головой, рассматривая в зеркало заднего вида нанесенные моими ногтями увечья. Сердце бешено колотилось в горле те несколько секунд, что я бежала от стоянки до подъезда. Больше всего я мечтала ввалиться домой, распахнуть бар и залпом опрокинуть рюмку коньяку, чтобы прийти в себя. Но мечтам не суждено было сбыться. Как только я влетела в подъезд и ринулась к медленно ползущему вниз лифту, за спиной мелькнула чья-то тень. В следующее мгновение я почувствовала, как в мое предплечье вонзилась игла, и серый дурман заволок действительность, застилая собой остатки сознания.

* * *

Между тем юный Бодлер, которого так живо обсуждали в неприбранной квартирке на улице Фам-сан-Тет под самой крышей дома семнадцать, как раз входил в ресторанный зал. В просторном помещении оказалось шумно, накурено и нестерпимо душно. Все взгляды тут же устремились на вошедшего, с любопытством рассматривая его диковинный наряд. Шарль сжался в комок. Он ненавидел один появляться в людных местах, предпочитая брать с собой шумную ватагу приятелей, способных отгородить поэта от пугающего мира. При этом он не мог обходиться без публики и часа, ведь юноша так тщательно создавал неповторимый образ, чтобы подчеркнуть свое отличие от других. И эти другие должны обязательно видеть, что он, Шарль Бодлер, гораздо ярче и талантливее их и ему наплевать, что о нем думают окружающие. Оглядевшись по сторонам, Шарль заметил старинных друзей по поэтическому сообществу и вздохнул с облегчением. Поэты распивали вино и шумно что-то обсуждали. На фоне оштукатуренной стены выделялся огромным ростом и чрезмерной волосатостью Эрнест Прарон. Он больше походил на меровингского воина, чем на начинающего стихотворца. Рядом с Эрнестом расположился светловолосый толстяк Гюстав Ле Вавасер, изучающий право на юридическом факультете и тоже увлекающийся поэзией. Далее восседала еще парочка приятелей, с которыми Бодлер неоднократно предавался пространным

беседам о литературе. Испытывая радость оттого, что не придется ужинать в одиночестве, юноша торопливо устремился к ним.

– Да это же Шарль! – закричал толстяк Гюстав, привставая с места. – Шарль Бодлер! Мы думали, ты все еще в Индии! Иди скорее к нам, старина, и расскажи, как ты сумел так быстро обернуться!

Чело Шарля омрачилось. Черт бы побрал эту Индию! До нее он так и не добрался. Юноша обожал Париж, его смрадный воздух, грязные мостовые, чахоточных илюх, и жизнь вдали от мегаполиса делала его больным физически и духовно. Ему не хватало горечи и тьмы, ибо в цветущих землях, куда его отправила родня, все было пропитано сладким дурманом плодовых деревьев и жарким до одури солнцем. Он, Шарль, хороший сын и не смог послушаться родителей. Даже слишком хороший. Свою мать Бодлер боготворил и готов был ради нее на любые лишения. Но сбавить его подальше от дома придумала, конечно, не Каролина. Это все затеял ненавистный отчим, полковник Опик, солдафон и педант, презираемый Шарлем всей душой. Преисполненные обид воспоминания захлестнули юного поэта и понесли по реке времени назад, в безвозвратно ушедшее детство.

Шарль отлично помнил своего отца – высокого старого человека с густыми сросшимися бровями. От него вкусно пахло хорошим табаком и красками, ибо Франсуа Бодлер на старости лет неожиданно для всех оставил сан священника, чтобы с головой погрузиться в искусство. Маленький Шарль очертя голову носился по длинным коридорам их старого дома, налетая на прислугу и доводя до беиенства сводного брата Альфонса, который годился Шарлю в отцы. Зато рядом со стариком-отцом мальши чувствовал себя совершенно свободно. Франсуа не запрещал маленькому сыну резвиться где ему вздумается. Шарль часто вбегал к папе в кабинет и заставлял того за мольбертом. Бодлер до сих пор мысленно видел перед собой «Венеру» отцовской работы, поразившую его силой страсти. Несмотря на то что Каролина была моложе мужа на тридцать пять лет, юная женищина казалась гораздо рассудительнее. Она не разделяла увлечения мужа, принимая его творчество за блажь, которую терпеливо сносила с видом мученицы. Франсуа не обижался на приземленную жену, надеясь воспитать любовь к искусству в младшем сыне. Когда не работал над картинами, Франсуа Бодлер подолгу гулял с маленьким Шарлем в Люксембургском саду. Шарль обожал эти прогулки. Они поднимались к Латинскому кварталу и заходили в сад с бульвара Сен-Мишель. Невдалеке виднелся музыкальный павильон, где зачастую проводились концерты под открытым небом, и музыка разносилась далеко по окрестностям. В фонтане перед дворцом многочисленные посетители развлекались тем, что пускали по воде взятые напрокат кораблики. Шарлю тоже хотелось поплескаться в фонтане, но отец уводил его в сторону аллеи. Там, по обе стороны присыпанной гравием дорожки, высились величавые мраморные фигуры, вызывавшие у мальчика безотчетный трепет. Отец с сыном неторопливо шли по аллеям, и крохотная ручка Шарля доверчиво лежала в широкой ладони Франсуа.

– Знаешь, кто это, Шарль? – указывая на статую женищины из белого мрамора, спрашивал отец.

Мальши пожимал плечами.

– Это Мария Медичи, – пояснял бывший священник. – Именно она повелела заложить этот дивный сад, в котором мы с тобой гуляем. Ее род помог многим гениальным творцам, делая заказы и щедро оплачивая их работу. Если бы не династия Медичи, мир никогда не узнал бы Боттичелли, Микеланджело, Бенвенуто Челлини, Рафаэля и Тициана. Не сомневаюсь, сын мой, ты тоже скажешь свое слово в мировой культуре.

Тяжелая рука Франсуа ласково трепала мягкие кудри мальчика, и сердце Шарля переполнялось гордостью и предвкушением чего-то огромного, что ждет его впереди. Переходя от фигуры к фигуре, они подолгу бродили по пышному Люксембургскому саду, и отец останавливался перед каждой достойной, на его взгляд, скульптурой и подробно рассказывал мальчику

о красоте статуй и о событиях времен Революции и Империи. Это продолжалось до тех пор, пока в один из пасмурных дней няня Мариетта не заглянула к Шарлю и печальным голосом не сообщила, что папенька скончался. В первый момент Шарль перепугался и заплакал, но скоро понял, что в этом есть благо. Мать теперь смотрела на него с безграничной нежностью и проводила в его комнате долгие часы. Это было огромное счастье. Эмоции захлестывали Шарля с головой, и он, лежа в своей детской кроватке, перед сном взахлеб рассказывал няне Мариетте, что обожает мамушку за элегантность, за запах духов, которым пропитаны ее изящное платье, меха и пышные волосы. Любит за красивое лицо и утонченные манеры. Обожает ее мягкие руки, такие ласковые и нежные. Может часами слушать мелодичный голос, которым Каролина читает книжки и рассказывает маленькому сыну, что любит его как никого на свете. И что он для нее один, единственный и неповторимый. Ее Шарль. Ее обожаемый мальчик.

И вот в жизни Каролины появился Опик. В первый момент мальчик воспринял как предательство частые посещения чопорного майора с молодцеватой выправкой, точно вросшего в свой бряцающий медалями мундир. Шарль наивно полагал, что их славная семейная идиллия на пару с мамой продлится вечно, но Каролина зачем-то снова и снова приглашала к ним в дом майора Опика. При виде вытянутого усатого лица бравого вояки Каролина расцветала как майская роза, и Шарль вдруг подумал, что Опик, быть может, не так уж и плох. В конце концов, место покойного отца рано или поздно все равно кто-нибудь займет, так чем этот военный хуже других? Собираясь замуж за Опика, Каролина видела себя в роскошном подвенечном платье, стоящую перед алтарем рука об руку с красивым мужественным военным. Разве ее вина в том, что, сочетаясь браком с Франсуа Бодлером, порвавшим всяческие отношения с богом, она была лишена венчания, о котором мечтает каждая девушка? Бывшего священника даже не отпевали, похоронив на окраине кладбища, как безбожника.

– Ну вот, Шарль, теперь у нас будет большая и дружная семья, – рассказывала Каролина сыну во время прогулки по Елисейским Полям. Они неспешно переходили из одного магазинчика в другой, выбирая милые безделушки. – Твой старший брат Альфонс женился на малышке Фелисите...

– Я могу называть ее «сестричка»? – запрокинув голову, с детской непосредственностью смотрел на Каролину маленький Шарль.

– Конечно же, родной. – Мать улыбалась и ласково проводила пальцами по пухлой щеке мальчика.

– И я смогу навещать Альфонса и Фелисите в нашем старом доме?

Сразу же после свадьбы майор перевез Каролину и Шарля на улицу Бак, в просторную квартиру на первом этаже только что построенного дома, а сводный брат и его юная жена остались там, где прошли ранние годы мальчика.

– Ну конечно же, сможешь, – расцветала улыбкой растроганная женщина. – Жак постарался, чтобы всем было удобно. Ты и сам, должно быть, чувствуешь, что обрел нежного и заботливого папу в лице майора. Шарль, милый, ты должен дорожить тем, что дарует господь, и с гордостью нести свое имя. Никаких проказ и шалостей! Майор Опик любит порядок и дисциплину. Ты скоро привыкнешь к новой жизни, Шарль.

– Да, мамочка, – чуть слышно лопотал притихший мальчик. И, чтобы порадовать маму, покорно добавлял: – Конечно, привыкну.

В такие моменты мальчиш не мог не верить матери. Но, вернувшись в новую холодную квартиру, где все было чужое и незнакомое и по-военному четко стояло на раз и навсегда заведенных местах, некоторое время слонялся без дела, стараясь не попадаться отчиму на глаза, а затем убегал в сад и подолгу бродил по аллеям, предаваясь фантазиям. Он казался себе брошенным на произвол судьбы маленьким сиротой, одиноким и никем не понятным. И, что самое ужасное, преданным любимой мамой. Зачем она выпустила к ним этого майора? Он смотрит

на пасынка, как на пустое место, не признавая за ним права шалить и резвиться. А ведь несомненно, что Шарль исключительная личность, разглядеть которую сумел лишь покойный отец. Отец верил, что Шарль продолжит славное дело Тициана и Леонардо да Винчи, а отчим считает искусство пустым баловством. Но вдруг Шарль переставал грустить и принимался радоваться, что у него есть Каролина, Опик, брат Альфонс и его молодая жена. Да он богатейший человек, член большой и могущественной семьи! И в один прекрасный день он им всем непременно докажет, что достоин носить их фамилию.

Каждый вечер, вознося молитвы перед сном, Шарль со слезами на глазах просил Всевышнего, чтобы майор куда-нибудь исчез. Лежа в кровати, Шарль перебирал в памяти моменты их славной жизни вдвоем с Каролиной и засыпал в сладких грезах о счастливом будущем без Опики. И вот однажды утром Шарль проснулся от суматошного топота слуг. Заинтригованный, он вышел из комнаты и с радостью узнал, что майора прикомандировали к Африканской экспедиционной армии и отчим сегодня же уезжает в Алжир. Шарль возликовал. Господь услышал его молитвы! Мальчик всем сердцем надеялся, что майор не вернется из экспедиции и они заживут вдвоем с мамой, как прежде. Однако отчим вернулся, и не просто вернулся, а в чине подполковника, и теперь его шпоры звенели по всей квартире в несколько раз громче, а категоричные суждения он провозглашал особенно безапелляционным тоном. Смирившись с неизбежным, Шарль постарался полюбить маминого избранника. И в какой-то момент у него это даже получилось. Влияние подполковника было так велико, что малыши, чтобы угодить Опику, на какое-то время забыл об искусстве, к которому раньше стремился всей душой, и принялся мечтать, что, когда вырастет, станет эдаким папой римским, но только военным. Ну, или на худой конец актером. Лицедейство было его второй натурой. Оставаясь наедине с самим собой, Шарль то и дело смотрелся в зеркало, стараясь уловить малейшие движения души. Он обожал наряжаться и представлять себя кем-то другим, глядя на себя словно со стороны и будто бы видя себя чужими глазами.

– Шарль, мальчик мой, мы будем жить в Лионе! – заглянула как-то в комнату сына Каролина. – Собирайся, мы завтра уезжаем!

Шарль запрывгал от радости. Переезд в Лион – это так здорово! Начинается новая жизнь, неизведанная и интересная! Там он поступит в коллеж, станет лучшим в классе и порадует семью ошеломительными успехами. Несомненно, он будет отличником, и вот тогда-то все узнают, что на самом деле представляет собой Шарль Бодлер! Однако в Лионе Шарля ждало разочарование. Жак Опик, выросший в военном училище для сирот героев, погибших за освобождение Франции, отправил пасынка в интернат при Королевском коллеже. Подполковник искренне полагал, что мужчина должен воспитываться в казарме, терпеть лишения, выполнять чужие приказы, есть отвратительную пищу и спать на грубых простынях. Но самое неприятное, что, желая Шарлю только добра, отчим лишил его возможности ежедневно общаться с обожжаемой матерью и уединяться для того, чтобы помечтать. Вместо увлекательного приключения, которое сулил переезд, Бодлер погрузился в пучину депрессии.

В Лионе все было скучно и уныло. Шарль одиноко бродил по грязным улочкам, всматриваясь в хмурые лица прохожих, тосковал по дому и мечтал о триумфе, который прославит его и заставит родителей понять свою ошибку. Он не такой, как другие дети. Его нельзя выгнать из дома и перепоручать заботам равнодушных учителей. Кроме окриков и нравоучений, Шарль от них ничего не слышит. Ни похвалы, ни слов поддержки. Нет, совсем не так рисовалась ему эта поездка. Вместе с нарастающей депрессией постепенно улетучивалась первоначальная решимость стать лучшим в классе, уступая место нежеланию открывать учебники. Благодаря природным способностям Шарль некоторое время еще числился в хороших учениках, не скатываясь на совсем уж плохие оценки. Но дела шли все хуже и хуже. В классе Шарль держался особняком, демонстративно сторонясь одноклассников, этих грубых деревенщин,

как он их называл. На переменах в коридорах слышалась шумная возня школяров, перекрикиваемая пронзительным детским голосом, декламировавшим строфы из Ламартина:

— О ты, таинственный властитель наших дум —
Не дух, не человек — непостижимый ум!
Кто б ни был ты, иль злой, иль добрый гений,
Люблю порыв твоих печальных песнопений,
Как бури вой, как вихрь, как гром во мраке туч,
Как моря грозный рев, как молний яркий луч¹.

Соученики считали Шарля парнишкой со странностями и показывали на него пальцем. Наивные, они полагали, что, читая стихи, Бодлер хочет покрасоваться перед ними. Какое чудовищное самомнение! Меньше всего Шарль думал об окружающих, прежде всего доставляя удовольствие чтением любимых строк самому себе. А до других ему не было и дела. Единственные люди, мнением которых Шарль дорожил, были по-прежнему мама и отчим. Как же он хотел быть первым, чтобы их порадовать! Он так и видел, как к высокой трибуне, где стоит директор коллежа, поднимаются лучшие ученики. Эти баловни судьбы выходят один за другим, и каждому директор жмет руку и вручает почетную грамоту. И он, Шарль Бодлер, в первых рядах награждаемых. Каролина и Оник, сидя в зале, утирают стекающие по щекам слезы счастья. Пропуская мимо ушей все, что говорят на уроках учителя, день за днем Шарль предавался фантазиям о будущем триумфе, медленно, но верно приближая свой провал.

* * *

Тьму прорезал тонкий звон, похожий на комариный писк. Звук то нарастал, то удалялся, словно испытывая мои нервы. Я открыла глаза. Лампа дневного света, мигая в предсмертных конвульсиях, затянула свою прощальную песню. Окинув взглядом помещение, я пришла к выводу, что нахожусь в гостиничном номере. Чистенько, но бедненько. Китайская плазма с чересчур ярким экраном, на котором беззвучно мелькали герои рекламы. Не первой свежести дешевая мебель. Закрывающая окно ситцевая занавеска в мелкий цветочек. Потертый линолеум. Пятью звездами и не пахнет. Интересно, как я здесь оказалась? Я точно помнила, как прилетела в Москву. Как меня встречал Артурчик. Мы с ним поцапались, а дальше — провал. Я свесила ноги и, не нащупав тапок, прямо в чулках зашлепала по полу в сторону приоткрытой двери. Так и есть, санузел. Унитаз и умывальник. И больше ничего. Ни душа, ни ванны. А жаль. Я бы много сейчас дала, чтобы принять ванну. Открыв кран, я набрала в ладони воды и с наслаждением погрузила лицо в ледяную влагу. Стало немного легче. Взбодрившись, вытерлась жестким казенным полотенцем и направилась к входной двери. Увидела свои туфли, валяющиеся в углу, и тут же сунула в них ноги. Потянула за ручку, пытаюсь выйти. Дверь не поддалась. Я налегла на нее плечом, полагая, что открываю не в ту сторону. Снова безрезультатно. Понятно. Дверь заперта. Тогда я устремилась к окну и отдернула занавеску. И тут меня снова ждал неприятный сюрприз. Окна как такового не было. Вернее, оно когда-то было, но его заложили кирпичом. Я обследовала кладку и пришла к выводу, что пытаться раскачать кирпичи бесполезно. Тогда я снова вернулась к двери и стала ее тщательно осматривать. Маленькое окошко в самом низу сразу же привлекло мое внимание. Оно было железное и открывалось наружу. Откинув дверку, я с трудом просунула голову в образовавшееся отверстие и увидела длинный коридор. На сером бетонном полу белели плевки алебаstra, и это наводило на мысли о заброшенной стройке. Глухая стена напротив краснела старым кирпичом. Насколько я могла

¹ «К Байрону». Перевод А. Полежаева.

видеть, коридор тянулся на десятки метров. Под потолком покачивалась тусклая лампочка, освещающая череду дверей и маленькую фигурку, сидящую на стуле в середине коридора.

– Эй! Выпустите меня! – закричала я, обращаясь к сидящему.

Он встрепенулся и, покинув насиженное место, направился ко мне. По мере приближения я могла рассмотреть, что это молодой, коротко стриженный парень в камуфляже. На поясе его красноречиво выделялась кобура, которую он на ходу расстегивал.

– Прекрати орать! – посоветовал он, подойдя на достаточное для беседы расстояние и вынув пистолет.

– Меня зовут Кира! Кира Федулова! – Где-то я вычитала, что палачу труднее убивать свою жертву, если жертва перестает быть некоей абстракцией и обретает имя.

– Заткнись, слышишь? – Он передернул затвор.

– Меня похитили? Нужен выкуп? – не унималась я. – К мужу можете не обращаться, он денег не даст. Лучше позвоните матери! Мама обязательно заплатит!

– Наивная ты, Кира. Им выкуп не нужен, – раздался задумчивый голос из такого же окошка в соседней двери. – Это частная тюрьма. Им платят за то, чтобы нас здесь держали.

Внутри у меня все похолодело. Частная тюрьма!

– Закрой рот, сто тридцатый! – рассердился парень в камуфляже. – У меня приказ стрелять на поражение!

– Хотя бы ответьте, сколько мне тут сидеть? – взвыла я.

Вдоль ряда дверей то здесь, то там лязгали засовы, окошки открывались одно за другим, и в них появлялись руки и головы заключенных.

– Не думайте, что вам все сойдет с рук! Нас всех ищут!

– Скоро вас возьмут за задницу!

– Прищучат голубчиков! – выкрикивали злорадные голоса.

Я не заметила, как надсмотрщик ударил ногой в высоком берце с измочаленными шнурами по открытой дверке моего окошка. Просто в какой-то момент ощутила, как стальная заслонка преобильно стукнула меня по лицу. И, скрываясь в камере, услышала голос сто тридцатого:

– Ты спрашиваешь, сколько тебе тут сидеть? Я уже восьмой год здесь мотаю, сто тридцать первая, так что готовься состариться в этой дыре.

И вдруг с неожиданной злобой добавил:

– И запомни, тварь, никакая ты не Кира, а сто тридцать первая!

Сто тридцать первая! Скорее всего, это номер моей камеры. Получается, здесь заперто не меньше ста тридцати человек! Несмотря на трагизм ситуации, в голове тут же включился калькулятор. А неплохой получается гешефт! Если за содержание каждого заключенного брать по сто долларов в день, вырисовывается вполне внушительная сумма. Когда выйду, можно попробовать замутить что-то подобное. Если, конечно, выйду.

Интересно, кто обо мне так позаботился? Несомненно, Артурчик. Почувствовал, что дело пахнет разводом, и решил упечь в кутузку на веки вечные. Усевшись с ногами на кровать, я обхватила колени руками и только сейчас заметила, что по телевизору беззвучно транслируются новости. Ведущая что-то говорила, раскрывая рот. Затем появились размытые кадры, явно сделанные камерой наблюдения. Без особого интереса я смотрела на подъезд, очень похожий на мой. И на белоснежную машину, сильно напоминающую машину Артура. Вот из машины выскочила взлохмаченная девица и торопливо побежала к дверям парадного. Затем передумала, круто развернулась и устремилась обратно к машине. У нее была моя сумка, мой длинный расклешенный плащ, моя прямая черная челка. В общем, я могла бы поклясться, что это я. По экрану поплыла бегущая строка: «Убийство предпринимателя Артура Федулова», и я, спрыгнув с кровати, подбежала к телевизору и стала шарить по задней панели в поисках кнопки включения звука, не отрывая глаз от экрана. Звук включился неожиданно громко, и я,

наблюдая, как девица на экране, вволю намахавшись руками, захлопывает дверцу авто и снова устремляется к подъезду, услышала зловещий голос дикторши:

– ...На этих кадрах Артур Федулов пока еще жив. Жена только поколотила его. А вот теперь, – дверь подъезда распахнулась, и из него выбежала все та же девица, которая вбежала в дом за минуту до этого, – Кира Федулова решила убить своего мужа.

Прикрываясь сумочкой, девица с черной челкой подбежала к водительской двери и, распахнув ее, несколько раз ударила Артурчика ножом в грудь. Тот бесформенным мешком обмяк на сиденье, а девица, спрятав оружие убийства в сумку, торопливо вытащила с заднего сиденья чемодан – мой чемодан, с которым я летала в Испанию! – и скрылась из кадра в направлении метро.

– Удивительный цинизм! – продолжала телеведущая. – Расправившись с мужем, жена не забыла прихватить из машины убитого свои вещички. Всех, кому известно местопребывание Киры Федуловой тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года рождения, просим позвонить по следующим телефонам.

На экране возникли телефонные номера, по которым следовало связаться с компетентными органами в случае моего обнаружения. Я все смотрела на экран и никак не могла поверить в только что увиденное. Талантливо, ничего не скажешь! Кто-то очень ловкий воспользовался нашей семейной ссорой, чтобы разделаться с Артурчиком и свалить все на меня! Да, на съемке видно, как я вбегаю в подъезд, но то, что случилось в подъезде, камера уже не запечатлела. Пока я вызывала лифт, кто-то вколол мне снотворное и, пользуясь моим беспамятством, переоделся в мой плащ, взял мою сумку и выбежал обратно на улицу, чтобы зарезать Артура. Со стороны происходящее выглядит так, будто все проделал один и тот же человек. Кира Федулова. Я.

* * *

Сквозь высокие окна Королевского коллежа солнце заглядывало в классную комнату, освещая сосредоточенные лица учеников. Расхаживая вдоль кафедры, учитель зачитывал список тех, кто из-за плохой успеваемости лишился увольнительной в город. Не отрываясь, все мальчики следили за передвижениями преподавателя и ловили каждое его слово. Все, кроме Шарля Бодлера, устремившего задумчивый взгляд в окно. Воображение рисовало перед ним предстоящие чудесные выходные, которые Шарль проведет вдвоем с мамой. Они отправятся в парк, и Шарль будет наслаждаться каждым мгновением прогулки, вдыхая нежный мамин аромат, поглаживая атласную кожу ее руки и чувствуя каждой клеточкой детского тела исходящую от Каролины любовь.

– И, наконец, Шарль Бодлер! – провозгласил учитель, маленькими глазками сверля обращенное к окну бледное лицо мальчика.

Шарль, пребывая в своих грезх, и бровью не повел.

– Бодлер! Вы меня слышите?

– Вы что-то сказали? – встрепенулся Шарль, нехотя возвращаясь из страны грез.

– Да, сказал! – недовольно пророкотал учитель. – Я сказал, что пустые мечтания заняли все ваше время, отведенное на учебу. Успеваемость ваша, Шарль Бодлер, настолько упала, что вам отменили увольнительные.

– О нет! Только не это! – под злорадное хихиканье одноклассников, непроизвольно вырвалось у мальчика.

Муки совести навалились на Шарля с недюжинной силой. Он сам из-за собственного легкомыслия и лени разрушил волшебный мир, в который должен был окунуться в этот уик-энд. Не будет теперь ни долгожданной прогулки, ни маминной любви. Мало того, он опозорил семью! Заставил Каролину и Опику краснеть за него! Но Шарль способен побороть свою лень.

Стоит только очень-очень постараться, и Шарль наверстает упущенное. Сделав над собой титаническое усилие, мальчик собрался с духом и уже через месяц направил матери «похвальный лист» от дирекции коллежса. И, надо заметить, им двигал отнюдь не страх наказания. Шарль руководствовался гораздо более благородными мотивами. Опик тогда только-только подавил бунт ткачей и получил чин полковника, и Шарль не мог не восхищаться отчимом, усмирившим зарвавшуюся чернь. И вот он тоже внес свою лепту в величие семьи. Однако Шарль прекрасно отдавал себе отчет в том, что триумф его продлится недолго. В глубине души он понимал, что не выдерживает конкуренции с отчимом, который был рожден победителем, в то время как Шарль довольствовался второстепенными ролями, лишь мечтая о головокружительном взлете. Что же поделаешь, если он рассеянный и не может сконцентрироваться для достижения цели? Зато Опик, с его педантичностью и апломбом, планомерно шел вперед, поднимаясь все выше и выше по карьерной лестнице. Шарль уже не просто не любил, а люто ненавидел этот дьявольский город Лион, из-за которого ему приходилось так туго. Королевский коллеж казался ему тюрьмой, в которой нелюбимые дети обречены изучать ненужные вещи. После дня напряженных занятий Шарль ложился в шумной спальне на неудобную кровать, накрывался тонким холодным одеялом и, закрывая глаза, с тоской в сердце вспоминал парижские бульвары, конфеты Бартельмо, продающиеся в Пале-Рояле, универсальный магазин Жиру, предлагавший изысканные товары для подарков. Душа его тосковала по богатым торговым залам на Кок-Сент-Оноре, которые так радуют изящными игрушками мальчиков из хороших семей. В ужасном же Лионе всего лишь одна лавка торговала красивыми книгами и два скучных магазинчика продавали пирожные и конфеты. В сладкие грезы о столичной жизни каждую ночь вторгались леденящие душу завывания умалишенных, запертых в лечебнице Антикай, той, что возвышалась неподалеку от интерната на холме Фурвьер. Юный Бодлер мог бы поклясться, что слышит в темноте их обреченные стоны. Мрачное здание виднелось из окна его спальни, и до конца жизни Шарль будет вспоминать те жуткие ощущения, которые охватывали душу при одной только мысли о несчастных, доживающих там свои дни.

Известие о возвращении в Париж мальчик воспринял как личный праздник. Наконец-то он снова окунется в любимую атмосферу столичных бульваров, пройдет по милым сердцу магазинчикам! Ну и, конечно же, покажет всем, на что способен. Он не имеет права обмануть надежд отчима, вслед за чином полковника получившего повышение по службе и место начальника штаба первого округа. И снова Шарль с особым рвением взялся за учебу, на этот раз в Парижском Королевском коллеже Людовика Великого, преисполненный решимости доказать родным, что чего-то стоит. Тем более что полковник Опик лично привел его за руку в кабинет директора и с присущим ему пафосом объявил:

– Вот вам мой подарок. Вот ученик, который прославит ваш коллеж!

Так Шарль опять очутился в интернате, на этот раз Парижском. Правда, теперь у него уже имелась привычка жить вдали от матери и воспринимать возможность увидеть ее как дар судьбы. Сначала все шло неплохо, и Каролина приободрилась, решив, что вот теперь-то ее Шарль воспитает в отличники. Но не тут-то было. Шарль снова скатился в середнячки. Однажды Шарль услышал, как преподаватели говорили за его спиной:

– Бодлер? На мой взгляд, не в меру легкомысленный ученик!

– Совершенно с вами согласен. Ленив. Сумасброден. Совсем не трудится над исправлением своих недостатков...

– И очень капризен. Работает неровно, да к тому же обладает поверхностным умом.

Обидная критика подхлестнула самолюбие Шарля, и он снова вырвался в учебе вперед. Но ненадолго, ибо близилось окончание коллежса, и Шарля все больше и больше угнетала мысль о предстоящей самостоятельной жизни, где придется чем-то заниматься. Всякая серьезная работа внушала ему страх, провоцировавший депрессию. В идеале Шарль мечтал бы быть

котом, жить при хозяине, а лучшие при хозяйке – Каролине, и вести безмятежное и зависимое существование домашнего любимца. От безысходности Шарль был сам себе противен, но остальные противны еще больше, и в коллеже Бодлер демонстративно ни с кем не общался. Запираясь в своей комнате, он пытался читать, но книги тоже вызывали отвращение. Ни одно произведение, за которое он брался, не нравилось ему от начала и до конца. Разве что стихи и драмы Виктора Гюго да кое-что из Сент-Бева. Шарль окончательно пресытился чтением и, лежа на кровати, все дни напролет непрерывно думал о матери. Она – его вечная книга. С ней он мысленно беседовал, любовь к ней заполняла все его время. От этого удовольствия в отличие от других юный Бодлер никогда не уставал. И вот учебный год наконец-то закончился. Наступило долгожданное лето. Оно принесло с собой избавление от докучливых учителей, но, самое главное, возможность, не разлучаясь, побыть с Каролиной. Каникулы не обманули ожиданий и прошли как нельзя лучше. Вместе с родителями Шарль путешествовал по Франции и, приступив к обучению в последнем, «философском», классе, снова преисполнился решимости стать лучшим учеником, чтобы порадовать отца и мать, которых он так любил. Но тут его поджидала новая ловушка. Вдохновленный впечатлениями от летней поездки, Шарль написал свое первое стихотворение, подражая Ламартину. И вдруг в процессе творчества открыл для себя новое чувство, которое раньше никогда не испытывал. Юноша ощутил себя путником, набредшим на родник в засушливой пустыне. Если раньше были лишь учебники, сочинения на заданную тему и переводы латинских текстов, то теперь Шарлю открылся смысл жизни. К полковнику начинающий поэт свое первое произведение благодарно не понес, ознакомив с ним только мать. Но и Каролина не слишком-то обрадовалась новому увлечению сына, объяснив, что, на ее взгляд, литература – это шутовство и лишь серьезная работа позволит мужчине преодолеть жизненные трудности. Путеводной звездой Шарлю должен служить полковник. Именно с Жака Оника он должен брать пример. И тогда его жизненный путь будет усыпан розами, а голову украсит лавровый венок.

* * *

– Это программа «Чрезвычайное происшествие». Обзор криминальных новостей, – опять проговорила с экрана телеведущая. – Вчера вечером в Москве на улице Короленко совершено дерзкое убийство. Тридцатилетнего предпринимателя Артура Федулова зарезала собственная жена.

На экране появилась уже знакомая мне картинка с камеры наблюдения, и я снова выслушала про то, как я цинично и жестоко убивала Артурчика. Третий раз смотреть репортаж было не так тяжело, ибо звук я выключила и старалась не коситься на экран, хотя изображение так и притягивало взгляд. Запись передачи шла по кругу, и через полчаса я могла безошибочно предсказать каждое движение ловкой самозванки. Чертыхаясь и матерясь, в поисках кнопки выключения я обшарила весь аппарат, но так и не поняла, как убрать раздражающее изображение. Смотреть про то, как кто-то очень похожий на меня снова и снова убивает Артура, было выше моих сил. Но и не смотреть я не могла. Взгляд, точно магнитом, притягивало к экрану телевизора. Тот, кто запер меня в частной тюрьме, несомненно, хотел вдобавок ко всему еще и лишит меня разума. Оставив бесплодные попытки избавиться от изображения, я уселась на край кровати, уперлась локтями в колени и, подперев кулаком подбородок, тупо уставилась в экран. В голове роились сумбурные мысли. Получается, что это не Артурчик заточил меня в неволю. Его самого убили. Тогда кто? Лучано?

Возможно, да. Лучано. Второй мамин муж. Хотя мама и любит его гораздо сильнее, чем любила папу, до моего отца испанцу далеко. Отец был человек суровый и несгибаемый. Он вбил в мою детскую голову одну правильную мысль, очень выручающую меня в жизни. Все люди – дрянь. Отца уже давно нет, а я продолжаю убеждаться в его правоте. Доказывал он это

непрестанно и самыми разными способами. Первый урок я получила в десять лет. Когда мы стремительно разбогатели на игровых автоматах и переехали с Преображенки в новый жилой комплекс в Сокольниках, меня отдали в испанскую языковую школу. Родители как раз собирались покупать недвижимость в Испании, и язык мне очень пригодился. Но, несмотря на переезд, я продолжала дружить со своими старыми приятелями Вовкой Левченко и Ольгой Гуляевой. Мы раньше жили в одном дворе, учились в одном классе, а до этого ходили в один детский сад. Еще в первом классе Вовка получил прозвище Лев, ибо писал три первых буквы своей фамилии разборчиво, затем переходил на трудночитаемую клинопись. Так вот, Лев был рыцарь моего детства, в которого я была по уши влюблена. А Ольга – Ольга ближайшая подруга, наперсница девичьих тайн. Естественно, я пригласила друзей к себе на новую квартиру. Они приехали в элитный жилой комплекс и, стесняясь и перешептываясь, отправились смотреть наши хоромы. Ольга проживала в коммуналке с мамой-уборщицей и папой-алкашом, а Вовку воспитывала бабушка, обитавшая вместе с внуком в однокомнатной хрущевке. Так что отдельной комнатой никто из моих друзей похвастаться не мог. Не то что я. У меня была своя собственная просторная детская, светлая и розовая, как праздничный торт. У папы имелся кабинет, где он пил виски и торчал в Интернете. А у мамы – будуар, в котором она валялась у телика и болтала по телефону с подругами. Еще у нас были огромная гостиная и комната для прислуги. Когда все помещения были осмотрены, я накормила друзей эклерами с пепси-колой и пошла их провожать. Гости одевались в прихожей, когда папа позвал меня в кабинет. Я со всех ног кинулась на зов и, прибежав, застала отца сидящим перед монитором компьютера. На экране виднелась наша прихожая, в центре которой переминались с ноги на ногу ребята. В верхнем углу дисплея был выведен небольшой квадрат, крупным планом показывающий подзеркальник с россыпью крупных банкнот.

– Пап, ты что? – изумилась я. – Зачем это?

Папа выглядел азартным, точно сделал ставку и теперь ждал, сработает ли?

– Ты ничего не понимаешь, Кирка. Проверка на вшивость. Садись и наблюдай.

– За чем наблюдать? – не поняла я.

– За тем, кто из них крыса.

Я села рядом с отцом и стала ждать. Крысой оказалась Ольга. Она первая увидела деньги и подтолкнула локтем Льва. Они пошептались, и Вовка отрицательно мотнул головой, отходя в сторону. Ольга же воровато оглянулась по сторонам и, видя, что поблизости никого нет, схватила с подзеркальника несколько купюр и сунула их в карман куртки.

– Опа! – Отец хлопнул ладонями по коленям. – Попалась! Ты поняла, Кира? Ты их пирожными кормила, а твои друзья тебя же и обворовывают. Отсюда вывод. Люди – завистливые твари. Даже те, кого ты считаешь своими лучшими друзьями. Любой готов поживиться за твой счет. Пойдем-ка, дочь, перекинемся с этими ублюдками словечком.

Он поднялся с кресла и отправился в прихожую. Бритый и страшный, он шел по коридору. Тысячи галогеновых лампочек отражались в массивном золотом распятии на его голой груди, спортивные штаны лишь чудом держались под глобусным брюхом. Короче говоря, вид отца не сулил ребятам ничего хорошего. Внутри у меня все замерло от предвкушения неизбежного позора. Думаю, друзья тоже догадались, что надвигается неминуемая расплата. Ольга и Вовка стояли притихшие и перепуганные, глядя на приближающегося хозяина квартиры. Отец подошел к подзеркальнику, собрал купюры и начал их медленно пересчитывать, слюнявя палец и шевеля толстыми губами. Затем поднял отливающие ртутью глаза на моих побледневших друзей и с угрозой проговорил:

– Здесь не хватает денег. Верните по-хорошему.

Ольга индифферентно смотрела в сторону, делая вид, что она тут ни при чем. Лев мучительно покраснел и громко дышал, широко раздувая ноздри короткого носа, как делал всегда, когда волновался.

– Ну что, будем милицию вызывать? – продолжал напирать отец.

– Папа, не надо! – Я заревела, живо представив себе, как Ольгин отец, практикующий телесные наказания за куда более мелкие провинности, сечет ее ремнем.

Быстро взглянув на меня, Вовка дернулся и вдруг шагнул к Ольге и вытащил у нее из кармана припрятанные Гуляевой банкноты.

– Вот, возьмите.

Рыцарь моего детства протянул папе деньги, и я видела, как от напряжения дрожит его тонкая рука.

– Это я взял, – Лев начал неумело оправдываться. – Взял и положил к Оле в карман, чтобы на меня не подумали. Она бы вынесла, а я бы потом забрал.

Отец смотрел на Вовку, как солдат на вошь, уничтожая презрительным взглядом.

– Кирка, запомни! – Отец ткнул в моего рыцаря коротким пальцем, одновременно с этим выхватывая у парня купюры. – Такие вот Робин Гуды самые подлючие! Сами не пакостят, а других поощряют. А ну-ка пошли вон, сопляки!

Отец рванулся, сделав движение, как будто хочет схватить их за шкирки. Друзья завизжали и выскочили за дверь. И, не дожидаясь лифта, бегом припустили вниз по лестнице. С Вовкой Левченко я больше не виделась, а Ольга, как это ни странно, до сих пор продолжает числиться в моих лучших подругах. Преданность Гуляевой я щедро оплачиваю из своего кармана. Мы частенько ходим по ночным клубам, на мои, разумеется, деньги, и о случае с воровством со столика в прихожей Гуляева вспоминает, как о досадном казусе, лишившем ее законного дохода. Это сейчас мы стали несколько реже встречаться, а до моего замужества мы с подругой вообще были неразлучны. Прогуливая уроки, Ольга приезжала ко мне в новую школу и подолгу ждала во дворе. После того как я заканчивала учиться, мы отправлялись проматывать отцовские денежки. Про Вовку мы не вспоминали, тем более что в том же году он уехал на Север к родителям. Так что Ольга осталась у меня одна-единственная. Хотя я сменила несколько школ, новых подруг у меня так и не появилось. Мать всегда считала Ольгу уличной девкой и запрещала мне с ней видеться, но я плевать хотела на чьи-то запреты. Мое доверие Гуляевой простирается так далеко, что в свое время я показала Ольге учителя биологии из частной школы «Романтик», к которому неровно дышала. В этой школе я проучилась всего год перед самым отъездом, но, похоже, испытала одно из самых сильных чувств за свою жизнь. Мой биолог Гуляевой не понравился. Ольга сказала, он слишком бледен, чересчур худ и недостаточно брутален. Я же была от Германа Игоревича без ума. Молодой, красивый, умный – такие парни мне всегда нравились. Он собирался защищать кандидатскую диссертацию и, несмотря на молодые лета, уже удостоился правительственной награды за какое-то важное открытие. Но у нас с биологом так и не сложилось. Весной папа умер, и мама увезла меня в Испанию, к Лучано. Испанец с радостью женился на богатой русской вдовушке и прожил с ней десять бурных лет, кочуя из России в Испанию и обратно. А когда они развелись, начал делить мамин бизнес. Я, само собой, приняла сторону мамы, и вот теперь за это расплачиваюсь. Вне всяких сомнений, это отчим организовал мое похищение. Размышляя о прошлом, я, как сомнамбула, в тишине комнаты раскачивалась из стороны в сторону и тупо смотрела одну и ту же картинку, повторяемую раз за разом, пока вдруг под сводами комнаты снова не загрохотал голос дикторши:

– Удивительный цинизм! Расправившись с мужем, жена не забыла...

Вот сволочи! Видят, что одним изображением меня не проймешь, решили доконать-таки звуком! Я вскочила с кровати и с разбега стукнула ногой по орущему на экране дикторскому рту. Затем еще раз. И еще. Каблук увяз в пластиковой стенке плазмы, лодыжку обожгло болью, но взбесившее меня изображение вместе со звуком наконец-то исчезло, рассыпавшись по комнате тысячью стеклянных осколков.

Окошко в двери лязгнуло, открываясь. В него вполз железный поднос, над пластмассовой миской подымался пар от какой-то неаппетитной еды.

– Сто тридцать первая! Ужин!

– Можешь сам сожрать! – гаркнула я, хромая к двери с самым недвусмысленным намерением.

Подошла к подносу и выпихнула его обратно вместе со слипшимися пельменями и чаем в прозрачном стаканчике.

– Да ты буйная? – миролюбиво удивился надзиратель, с ботинками которого я уже имела возможность познакомиться. – У нас буйных не любят.

Лязгнуло окошко, закрываясь. Из ранее не замеченного мною отверстия в потолке в комнату ударила струя сладковатого газа. Запрокинув голову, я смотрела на беловатый пар, наполняющий помещение. Глаза начали слезиться, в носу защипало. Но я упрямо смотрела вверх до тех пор, пока ноги мои не подогнулись. Плохо понимая, что делаю, я опустилась на пол и отключилась прямо у двери.

* * *

Охваченный восторгом сделанного открытия, Шарль принялся неумолимо писать стихи. Напуганная увлечением сына, Каролина взывала к его разуму, но Шарль не слышал увещаний матери. Литература поглотила Бодлера целиком. Перестали вызывать интерес значимость смерти, тайны соединения души и тела, Бог, природа, мораль и прочие понятия, изучаемые в «философском» классе. И снова о нем говорили учителя, что у Бодлера много идей, но мало порядка в голове. И, надо признать, упреки их были справедливы. На уроках Шарль теперь и вовсе не слушал учителей, а запоем читал своих любимых Гюго и Ламартина, к которым прибавились Мюссе, Виньи, Сент-Бев. В эти моменты Шарль чувствовал себя среди друзей и хотел во всем походить на своих кумиров, мечтая жить в музыке слов, отдавая миру свое сердце. Книги поставлял ему единственный друг, с которым он сошелся в классе. Одноклассник проживал дома, а не в интернате, и имел возможность заимствовать любимых авторов Бодлера из библиотеки своего отца. Сидя на уроках, Шарль сочинял стихи и передавал их приятелю, наблюдая за его реакцией. Следуя движению души, в поэзии начинающий автор инстинктивно избрал для себя устало-отрешенный взгляд на вещи и холодный, иронично-мрачный тон. И, раз окунувшись в эту атмосферу, уже не желал с ней расставаться, обосновавшись в своем особом мирке, точно рак-отшельник в обнаруженной на дне моря пустой раковине. Знакомый голос внутри Шарля, голос отца, не уставал шептать ему, что он станет лучшим поэтом современности. И Бодлер ему верил. Но, как это ни покажется странным, наряду с этим Шарль все еще продолжал оставаться маминым мальчиком, мечтающим порадовать ее хорошими оценками. Повинуясь очередному порыву стать отличником, он решил вызвать Опику на разговор. Расположившись в кабинете отца, юноша сообщил:

– Папа, мне просто необходим репетитор.

– Зачем? – вскинул бровь Опик.

Глядя на напрягшееся лицо полковника, Шарль поспешино добавил с покаянными нотками в голосе:

– Признаю, я был не очень прилежен, но это легко исправить. Достаточно нанять молодого человека, сведущего в религии, эстетике и философии искусств, и я мигом наверстаю упущенное. Я знаю такого юношу. Я говорю о господине Лазеге.

– Думаю, Шарль, ты усугубляешь ситуацию, – недовольно поморщился Опик. – Мне кажется, что в этом нет необходимости.

– Это не просто каприз, папа, а насущная необходимость, – горячо возразил Шарль, которого не отпускал страх перед будущим. – Мне скоро предстоит вступить в жизнь, а для этого понадобится определенный багаж знаний.

– И какой же?

– Ну, например, мне не помешало бы овладеть древнегреческим языком. Он поможет изучить немецкий, чтобы прочитать в оригинале многие нужные книги.

– Не стану скрывать, – голос отца зазвенел сталью, – что считаю твоё требование всего лишь возможностью развлечься, болтая за деньги с образованным молодым человеком о таких несущественных вещах, как искусство, наука о душе и тонкости мертвого языка. Со своей стороны я могу организовать для тебя занятия по фехтованию и верховой езде. Вот то, что действительно пригодится тебе в жизни.

Шарль поднялся с кресла и, ни слова не говоря, покинул кабинет. От обиды он не мог проронить ни слова. На следующий день юный Бодлер вернулся в «философский» класс, чтобы продолжить тянуть унылую лямку. А вскоре грянул гром. Подумать только! Его, как паршивую овцу, выгнали из коллежа. Выгнали, на взгляд Шарля, совершенно необоснованно. На уроке приятель передал Бодлеру записку, преподаватель это заметил и потребовал отдать записку ему. И юноше ничего не оставалось, как сунуть послание в рот, разжевать и торопливо проглотить. Он не мог поступить иначе, ибо считал себя обязанным сохранить доверенный ему секрет. А вечером Шарль стоял перед родителями, пристыженный и возмущенный, и стойко сносил гнев полковника и слезы матери.

– Но, Шарль, как ты мог? – в который раз взывала к нему Каролина, расхаживая по просторной гостиной и нервно хрустя пальцами. Жак Орик предоставил жене самой разбираться с сыном, в позе осуждения застыв у камина. – Ты не имеешь права поступить так со всеми нами! – повысила голос мать. – Ради чести нашей семьи, умоляю тебя, вернись обратно в коллеж!

Вняв увещаниям родных, Шарль, в конце концов, взялся за перо и написал директору покаянное письмо, в котором признавал, что сожалеет о своем поступке и просит принять его обратно. Через пару дней Каролина сообщила ему радостные вести.

– Шарль, милый, папа любезно отнес твоё письмо в коллеж и переговорил с директором.

– И что же? – с любопытством осведомился юноша.

– Посоветавшись, они приняли решение перевести тебя из пансионеров в приходящие ученики. Также ты сможешь брать частные уроки у Лазега.

– Ушам своим не верю! – воскликнул потрясенный Шарль, рассчитывая наконец-то оказаться под одной крышей с родителями. – Как великодушно со стороны папы!

– Кроме того, родители Лазега согласились сдать тебе комнату в своем доме по улице Вье-Коломбье. А питаться ты будешь в соседнем пансионе, который содержит мадемуазель Селеста Тео.

Радости Шарля не было предела. Все складывалось как нельзя лучше. Правда, мама снова ускользала от него, перепоручая Шарля заботам Лазегов. Но это ничего, он сможет бывать у родителей так часто, как сам того захочет.

– Да, и вот еще что, – замявшись, проговорила Каролина. – На днях мы отправляемся в Бурбон-ле-Бен, лечить застарелое ранение ноги полковника, которое все чаще дает о себе знать. Ты будешь умницей и не станешь сильно скучать, правда, Шарль?

Каролина мягко улыбнулась, обняла сына и прижала к высокой груди, сделав вид, что не слышит горестного стона отчаяния, вырвавшегося из его уст.

* * *

Я очень замерзла. Я дрожала так, что зуб на зуб не попадал, но, понимая, что сплю, я никак не могла проснуться. Мужские голоса туго ворочались в тяжелом вязком сне, наполненном чудовищами. Именно чудовища говорили заиндевевшими голосами, обдавая меня ледяным дыханием. Пока я соображала, снятся мне они или нет, в лицо ударил яркий луч света. Закрываясь рукой, я приподнялась на локте, пытаюсь рассмотреть говоривших. Лица того, кто держал фонарик, не было видно. На фоне темного неба вырисовывался только его силуэт. Рядом стояла еще одна фигура, особенно черная в ночной мгле. Неподалеку шумели от ветра кусты, а дальше светился огнями высоченный мост, перекинутый через широкую реку. Я узнала Радужный мост и поняла, что нахожусь в парке. И лежала я на неудобной узкой лавке, совсем не предназначенной для того, чтобы на ней лежать.

– Здесь нельзя спать, – проговорил суровый бас. – Будьте добры, покиньте парк. Мы закрываемся.

Одернув юбку и плотнее запахнув полы плаща, я опустила ноги в туфлях на землю и села, бессмысленно щурясь на свет. Человек с фонариком приблизился ко мне и пододвинул ногой чемодан, стоящий у скамейки. Тот самый чемодан, который я оставила в машине у Артура, а самозванка, прикидывавшаяся мной, сразу же после убийства вытащила с заднего сиденья и унесла с собой. При воспоминании о случившемся по спине пробежал неприятный холодок. И тут я заметила, что что-то держу в руке. Я с недоумением посмотрела на свою сумку, которую не видела с того самого момента, как мне сделали инъекцию у лифта. Открыть ее я не решилась, памятуя о том, что именно туда убийца сунула окровавленный нож.

– Да, конечно, сейчас уйду, – пробормотала я.

– Не май месяц, прохладно на улице, – продолжал басить обладатель фонарика. – Похоже, мадам перебрала шампанского, – кивнул он на пустую бутылку «Абрау-Дюрсо», стоявшую у скамейки. – Вольдемар, помоги дамочке подняться.

Поддерживаемая под руку смутно различимым впотьмах Вольдемаром, я поднялась на нетвердые ноги и, спотыкаясь на каблуках, побрела по темной аллее в направлении освещенного моста.

– Выход найдете? – осведомился Вольдемар, слегка приотставая.

– Само собой, – хмыкнула я.

Еще бы не найти! Сразу же за мостом располагалась частная школа, в которой я училась последний год перед отъездом в Испанию, и Ольга каждый день ждала меня в этом самом парке. Нам было по шестнадцать лет, и мы любили знакомиться с парнями. Парк за Радужным мостом считался одним из тусовочных мест столицы, и ближе к вечеру молодежь стекалась сюда в кафе «Сезонное». Мы с Гуляевой были там завсегдатаями, разбив немало мальчишеских сердец. Поэтому в парке я ориентировалась как у себя дома и целенаправленно шла к выходу. На ходу я шарила в сумочке, разыскивая смартфон, чтобы позвонить маме и рассказать нелепейшую историю, которая со мной приключилась.

– Кира Романовна, вы паспорт потеряли! – вдруг прокричали мне вслед.

Я обернулась и увидела, что свет фонарика направлен на мои документы, и оба охранника парка внимательно их изучают. Стальные когти страха сжали сердце. Желудок камнем ухнул вниз. Все кончено. Сейчас они меня узнают, скрутят и сдадут в полицию. Стараясь не привлекать излишнего внимания, я медленно попятилась назад, больше всего мечтая незаметно уйти на безопасное расстояние и раствориться в темноте.

– Кирка! Это ты, что ли? – вдруг закричал тот, кто откликнулся на имя Вольдемар. – Это ж я, Вовка Левченко! До третьего класса вместе учились! Помнишь меня?

От неожиданности я чуть не упала.

– Лев? Вот это да! – недоверчиво протянула я. – Богатым будешь. Недавно тебя вспоминала.

– Кирка, что же ты спишь на лавочке? Что-то случилось?

– Володь, долго рассказывать.

– А ты Расскажи. Ночь длинная, мы с Серегой никуда не торопимся. Серег, ведь не торопимся?

– Само собой! Куда нам торопиться? Обход мы почти завершили, теперь у нас вся ночь впереди. Надо бы встречу отметить. – Луч фонарика описал дугу, перемещаясь на мой чемодан, оставшийся стоять на аллее. – Вольдемар, бери багаж, и двигайте к нам в сторожку. А я прогуляюсь до магазина. Продавщица в круглосуточном – моя приятельница, отпустит спиртное без разговоров, – без умолку болтал разговорчивый Серега. – Так что, Володька, гони монету. Это же ты встретил школьную подругу, а не я.

– Ты же знаешь, Мамай, я все деньги отсылаю матери, – смутился мой бывший одноклассник, лица которого я, как ни старалась, никак не могла разглядеть. – Могу дать рублей двести.

– Пошел ты знаешь куда? – обиделся Мамай. – Что на них купишь? У меня, между прочим, тоже цинга с деньгами. И все-таки необходимо согреться. Что-то прохладно становится.

Намек был так прозрачен, что не понять его было невозможно. Это даже к лучшему. Кто платит, тот и заказывает музыку. Только бы наличные оказались на месте.

– Можно фонарик? – проговорила я, больше всего опасаясь, что шустрый Серега кинется сам светить мне в сумку.

В том, что нож до сих пор находится именно там, я ни секунды не сомневалась – похоже, чертов испанец приложил немало усилий, чтобы подставить меня по полной программе. И уж об орудии убийства наверняка позаботился надлежащим образом. Но напарник Володьки проявил тактичность и протянул мне фонарь, не выказывая особого желания принять участие в поисках денег. Раскрыв «молнию», я направила колеблющийся луч света внутрь сумки. Первое, что мне бросилось в глаза, – толстая пачка пятитысячных купюр, перетянутая синей резинкой. Когда я заходила в подъезд своего дома, этой пачки у меня не было. Не показывая своего удивления, я вытянула из-под резинки верхнюю банкноту и вручила ее Мамаю.

– Вот пять тысяч. На коньяк и закуску. Сдачу вернете.

Сунув деньги в карман, он оживленно проговорил:

– Само собой. Все сделаю в лучшем виде. Вольдемар, веди даму в сторожку, а я сей момент вернусь. Только обойду два оставшихся поста. Должность начальника охраны парка как-никак обязывает.

Сделав рукой обнадеживающий жест, он растворился в темноте. А Вовка Левченко подхватил мой чемодан и увлек меня по дорожке в сторону светящегося моста, к чернеющему вдалеке деревянному срубу. Интересно, Лев знает, что меня разыскивает полиция? Если знает, то почему молчит? Может, за меня объявили награду и Вовка надеется нажать на мне денег? Хотя нет, это на него не похоже. Но я не видела его больше пятнадцати лет... Люди меняются. В любом случае мне нужно как можно скорее связаться с матерью и, от греха подальше, уехать из страны. Я покосилась на друга детства, не зная, как с ним себя вести. Лев перехватил мой взгляд и истолковал его по-своему.

– Кир, ты хочешь мне что-то сказать? Про мужа?

– Ну-у, что там рассказывать. – Я пожалала плечами, не собираясь выкладывать правду. – Мы просто немножко поругались, и я ушла из дома.

Но Левченко ответ не удовлетворил. Вовка недоверчиво протянул:

– Что, прямо так и ушла? Вы у него, что ли, живете?

– Зачем? Мама подарила мне квартиру на совершеннолетие. В ней и живем.

– И ты ушла из своего собственного дома? На тебя это не похоже.

Я застыла на пороге одноэтажного бревенчатого домика, пораженная схожим направлением наших мыслей, и невозмутимо парировала:

– Представь себе. Время-то идет. Люди меняются.

Он потянул на себя дверь, и в прорезавшей темноту полосе света я увидела такое знакомое и родное Вовкино лицо. Те же оттопыренные уши, светлые вихрастые волосы, широкий прямой нос, рот с упрямой складкой и серо-зеленые глаза, смотрящие прямо и бескомпромиссно. Лицо скандинавского викинга, без раздумий кидающегося на врага. Только теперь в отличие от наших детских лет, когда я переросла Льва на полголовы, приятель возвышался надо мной, как скала, и отросшая за день рыжая щетина покрывала его впалые бледные щеки, раньше всегда алевшие безудержным румянцем. Сколько раз я набирала в поисковике Интернета его имя, сгорая от желания увидеть, каким стал Лев, но так ни разу и не решилась нажать клавишу ввода, опасаясь разочарования. Вовка выглядел так, как я себе и представляла, и от этого мне вдруг стало очень хорошо. Так хорошо мне бывало только в детстве, когда родители угадывали с подарком и дарили на день рождения то, что я давно мечтала получить.

– А ну-ка, зайди, – безапелляционным тоном приказал он, и я про себя усмехнулась. Ишь, раскомандовался! Однако шагнула в дом и, миновав крохотную прихожую, опустилась в кухне на табурет у стола.

– Рассказывай, – потребовал Левченко, доставая из холодильника початую банку рыбных консервов и отрезая толстый ломоть черного хлеба. – На, – придвинул он мне еду, громыхнув банкой по столу. И, протягивая вилку, поправился: – Сначала поешь, потом расскажешь.

Я не ела целую вечность и чувствовала нечеловеческий голод. Вцепившись зубами в хлеб, быстро сжевала половину куска, заедая его консервами.

– Ты-то как поживаешь? – дожевывая, проговорила я, чтобы не молчать.

– Отлично, – хрипло откликнулся друг. Он замялся и добавил, искоса поглядывая на меня: – Красивый у тебя муж.

И пояснил в ответ на мой удивленный взгляд:

– В Интернете его видел. Твои странички в соцсетях все время просматриваю. Я ведь звонил тебе перед армией, хотел попроситься. А мать твоя сказала, что ты замуж выходишь. Ну, я и не стал навязываться. Тоже женился. Дочка вот родилась. Кирой назвал.

И вдруг Вовка спросил так тихо, что я подумала, будто ослышалась:

– Ты его любишь?

– Кого? – переспросила я, с сожалением отрываясь от консервов.

– Мужа, говорю, любишь? – Голос Володьки дрогнул. – Раз вышла за него?

Я поперхнулась и закашлялась. Честно говоря, мне было все равно, за кого выйти замуж. Главное – выйти. Ситуация сложилась таким образом, что мне обязательно нужен был муж. Законный муж мог смягчить тупиковую ситуацию, в которую меня загнали обстоятельства. Началось все с того, что одна заносчивая дамочка, преподававшая литературу на журфаке МГУ, куда я только-только поступила, вызвалась диагностировать характер учащихся нашей группы по почерку. Мы все, молодые и глупые, радостно откликнулись на это предложение и сдали свои тетради в надежде услышать, какие мы талантливые, перспективные и все как один обладаем золотым сердцем. Но дама оказалась не только отвратительным графологом, но и дурным психологом. На следующем семинаре она взошла на кафедру и принялась зачитывать свои выводы, насмешливо называя имена того, о ком идет речь. Она обо всей нашей группе была не слишком-то лестного мнения, а меня так вообще сровняла с землей. Выслушав под общий смех, что я росла среди бездушных скряг, рвачей и лицемеров, от которых и переняла все эти замечательные качества, я спросила перед тем, как навсегда покинуть стены университета:

– А ваши дети в какой семье выросли?

– Уж поверьте, дорогуша, мой сын имеет прекрасный ровный почерк, который характеризует его как человека честного, порядочного и не склонного к насилию, чего нельзя сказать о вас.

И тогда я твердо решила доказать преподавательнице литературы, что этот мир гораздо сложнее, чем те узкие рамки, в которые она пытается загнать окружающих. Я навела о даме справки и выяснила все о ее семье. С ее сыночком я познакомилась на роллдроме, где парень увлеченно выписывал кренделя на отличных профессиональных коньках, подаренных на окончание математического факультета обожающей свое чадо мамочкой. Слово за слово, хи-хи, ха-ха, и мы вскоре стали лучшими друзьями. Когда отношения переросли в страстный роман, я «открыла возлюбленному душу». Сквозь слезы стыда и отчаяния я рассказала ему, что мой отчим, порочный испанский сластолюбец, то и дело распускающий руки, грязно меня домогается. Мама ничего не знает. Да я и не могу ей ничего рассказать, ибо она целиком попала под его влияние. Отчим ее бьет. И меня бьет. Он всех бьет. И отец мой умер как-то странно. Это случилось в Испании. Папа свалился с обрыва, гуляя по холмам на побережье океана в непосредственной близости от виллы нашего соседа, который впоследствии вдруг стал моим отчимом. Порывистый математик вызвался отметелить ничего не подозревавшего Лучано, что и проделал с огромным успехом. И даже по собственной инициативе несколько раз пырнул испанца ножом. Парня забрали в полицию и возбудили уголовное дело по статье «нанесение тяжких телесных повреждений». Подследственный заявил, что защищал честь своей невесты, и меня вызвали для дачи показаний. Но на очной ставке я выразила безграничное удивление и сообщила, что знать не знаю этого типа. Мимо его мамочки я промаршировала с видом победительницы и, заметив робкое движение в мою сторону, наотрез отказалась с ней разговаривать. А чтобы окончательно пресечь нелепые инсинуации в свой адрес, выскочила замуж за Артурчика. И для верности сменила фамилию. Если бы поблизости оказался Вовка, я бы, конечно, лучше вышла замуж за него, потому что Левченко я хотя бы когда-то любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.